

В конце нельзя не отметить, что рецензируемый словарь сам по себе качеством своего выполнения свидетельствует о высоком уровне японского языкознания и о наличии в нем многочисленных квалифицированных кадров.

И. И. Фельдман

Gerhard Rohlf's. Historische Grammatik der Italienischen Sprache und ihrer Mundarten.— Bern, A. Francke A. G. Verlag, 1949—1954. Bd. I — Lautlehre; Bd. II — Formenlehre und Syntax, Bd. III — Syntax und Wortbildung mit dem Register zu den Bänden I, II, III.

Вплоть до последнего времени общепринятым руководством по истории итальянского языка была изданная в 1890 г. «Итальянская грамматика» В. Мейер-Любке, появление которой составило эпоху в развитии итальянского языкознания¹. Вышедшие значительно позднее книги Ш. Гренджента и М. Пей² не содержат по сравнению с ней ничего принципиально нового. Между тем за 60 лет, прошедших со времени выхода в свет грамматики Мейер-Любке, итальянское языкознание шагнуло далеко вперед. Исследования таких ученых, как Дж. Бертони, А. Скьяффини, К. Мерло, Э. Моначи, Дж. Боттильони, М. Л. Вагнер, Г. Лаусберг, Фр. Шюрр и многих других, внесли существенный вклад в дело изучения итальянских диалектов и литературного итальянского языка. Однако наиболее знаменательным событием этого периода, раскрывшим перед исследователями совершенно новые возможности, было создание К. Ябергом и Я. Юдом в сотрудничестве с Г. Рольфом, М. Л. Вагнером и П. Шейермейером этнографо-лингвистического атласа Италии и Южной Швейцарии³, в котором впервые были установлены точные географические границы языковых явлений в связи с материальной культурой общества и была дана полная картина сложных взаимоотношений между диалектами.

В свете новых данных классическая грамматика Мейер-Любке во многом оказалась устаревшей: такие разделы, как синтаксис и словообразование, в ней вообще отсутствовали; некоторые гипотезы, выдвинутые Мейер-Любке для объяснения различных языковых явлений, оказались сомнительными или были опровергнуты; данные о диалектах, приводимые в основном из письменных источников, оказались недостаточными. В результате возникла настоятельная необходимость в создании нового руководства по исторической грамматике, соответствующего уровню развития современной науки. Выполнение этой задачи взял на себя крупнейший немецкий романист Герхард Рольфе, автор многочисленных трудов по различным вопросам романского языкознания, ведущее место среди которых занимают его исследования, посвященные итальянскому языку и его диалектам⁴. Самой значительной работой Рольфе в этой области является рецензируемая ниже «Историческая грамматика итальянского языка и его диалектов» — капитальный труд, представляющий собой в настоящее время наиболее полное руководство по всем разделам итальянского языкознания.

Методологические позиции Рольфе сближают его со школой швейцарских лингвистов, основателями которой были К. Яберг и Я. Юд, объединившие достижения лингвистической географии (Жильерон) с этнографической направленностью исследований Шухарда и Мейер-Любке⁵. Для определения методологических позиций Рольфе большой интерес представляет его работа «Язык и культура», где он выступает против идеалистического направления в лингвистике⁶, возглавляемого К. Фосслером, который, как известно, отыскивал «дух нации» и «дух эпохи» в морфологических

¹ W. Meyer-Lübke, *Italienische Grammatik*, Leipzig, 1890.

² Ch. Grandgent, *From Latin to Italian*, Cambridge, 1927; M. Pei, *The Italian Language*, New York, 1941.

³ K. Jäger, J. Jud, *Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz*, [Halle], Bd. I—VIII, 1928—1940.

⁴ Г. Рольфе принадлежит свыше 220 исследований, полный перечень которых приведен в приложении к его книге «An den Quellen der romanischen Sprachen» (Halle, 1952).

⁵ См. работы В. Мейер-Любке и К. Яберга в «Wörter und Sachen» (№№ IX—IX и др.) — центральном органе этого направления, а также книги К. Яберга «Aspects géographiques du langage» (Paris, 1936) и «Sprachatlas als Forschungsinstrument» (Halle, 1928).

⁶ См. G. Rohlf's, *Sprache und Kultur*, Berlin, 1928.

и синтаксических фактах языка, произвольно толкуя их в угоду той или иной предвзятой идее. В противоположность Фосселеру, Рольфе предлагает искать связи между языком и культурой не в области духовного, а в области материального, и не в грамматике, а в лексике языка, тесно связанной с изменениями в общественной жизни народа.

Книга Рольфе состоит из трех томов. Первый том, посвященный фонетике, включает следующие разделы: вокализм, консонантизм и общие фонетические явления (перенос ударения, метатеза, диссимилиация, ассимиляция и пр.); второй том состоит из двух частей — морфологии, включающей разделы о формах имени (Nominalflexion), местоимений (Pronominalflexion) и глагола (Verbalflexion), и первой части синтаксиса, посвященной описанию употребления форм падежей (Gebrauch der Casus), чисел, определенного и неопределенного артикля, а также форм индикатива, коъюнктива, герундия и причастий. Третий том содержит вторую часть синтаксиса, в которой рассматриваются виды глагола (Aktionsarten), употребление форм времен и наклонений в условном периоде, вопросительные предложения, союзы, предлоги и порядок слов, после чего следуют главы, посвященные наречиям, отрицанию и числительным; во второй половине третьего тома рассматриваются виды словообразования: словосложение, глагольные и именные префиксы (в алфавитном порядке), именные суффиксы, глагольные суффиксы и бессуффиксальные отглагольные образования существительных.

Представляя собой полное систематическое описание исторической фонетики и грамматики, книга Рольфе, естественно, содержит целый ряд общеизвестных положений, на которых нет надобности останавливаться в рецензии. Поэтому обратимся к рассмотрению наиболее важных вопросов, получивших в книге новое освещение.

1. Вопрос о причинах фонетических, морфологических и синтаксических различий между диалектами Северной и Южной Калабрии. В результате анализа современных греческих и итальянских говоров Южной Италии, а также письменных памятников разных эпох Рольфе приходит к выводу, что отдельные области Южной Италии (Терра д'Отранто, Южная Калабрия, сев.-вост. Сицилия), заселенные греками еще со времен Великой Греции, не восприняли латинского языка во времена римского владычества и были романизованы только в середине века¹. Современные диалекты этих областей резко отличаются от диалектов Северной Калабрии и Центральной Сицилии.

Если Северная Калабрия сохранила в своих говорах много архаических черт (например, окончание -s во 2-ом лице ед. и мн. числа, форму лат. plusquamperfectum *cantaveram* > *cantara*, некоторые древнейшие латинские слова, исчезнувшие в остальных областях Италии: *janua* > *janua* вместо *porta*, *cras* > *crài* вместо *domani*)², то, наоборот, диалекты Южной Калабрии, лишенные фонетических, грамматических и лексических архаизмов, имеют много общего с диалектами Тосканы (ср. итал. литер. *goccia* «капля», южно-калабр. *guccia*, сев.-калабр. *gutta*)³. Кроме того, в диалектах Южной Калабрии более отчетливо выражено греческое влияние в лексике и грамматике. Так, в §§ 717, 669, 672 «Исторической грамматики» Рольфе объясняет влияние греческого субстрата такие грамматические явления, как замену инфинитива дополнительными предложениями, вводными союзом *ma* < греч. $\omega\kappa$; вытеснение сложных прошедших времен формой простого прошедшего законченного (*passato remoto*); неупотребительность коъюнктива (особенно форм настоящего времени); полное исчезновение качественных наречий и замена их флектирующей формой прилагательного (*facisti bonu* — итал. литер. *hai fatto bene*). Таким образом, как показали исследования Рольфе, резкие языковые расхождения между диалектами Северной и Южной Калабрии объясняются поздней романизацией последней.

2. Вопрос о субстрате. Если, как отмечает Рольфе, вопрос о влиянии этрусского и кельтского субстрата не может быть удовлетворительно решен из-за недостатка сведений об этих языках⁴, то сравнительно недавнее вытеснение греческого языка итальянским на юге Италии создает благоприятные условия для изучения взаимоотношений между субстратом и языком-победителем. Исследования говоров Южной Калабрии и их сопоставление с древнегреческим и новогреческим позволило Рольфе обнаружить следующую закономерность, представляющую общеязыковой интерес: язык вытесняемый оставляет заметный отпечаток на синтаксисе языка вытесняющего, однако фонетика последнего не претерпевает изменений, которые можно было бы с уверенностью отнести за счет субстрата. Исходя из этого, Рольфе отказывается видеть в ассимиляции *nd* > *nn* (*mundus* > *munnu*), характерной для некоторых

¹ См. G. R o h l f s, *Griechen und Romanen in Unteritalien*, Genève, 1924.

² См. G. R o h l f s, *Historische Grammatik...*, Bd. II, §§ 528, 531, 602 и 603 (в дальнейшем ссылки на том и параграфы обсуждаемой работы даем в тексте в скобках).

³ См. G. R o h l f s, *Dizionario dialettale delle tre Calabrie*, vol. 1, Halle, 1932 стр. 15.

⁴ См. G. R o h l f s, *Vorlateinische Einflüsse in den Mundarten des heutigen Italiens*, «An den Quellen der romanischen Sprachen», Halle, 1952, стр. 61 и сл.

диалектов Южной Италии, оскское влияние (несмотря на то, что латинской группе согласных *nd* соответствовала группа *nn* в оскском), так как то же фонетическое явление наблюдается в различных областях Италии, Швейцарии, Гасконии, Северной Франции (т. I, § 253). Базируясь на данных относительно хронологии фонетических изменений, Рольфе приводит также веские аргументы, опровергающие гипотезу Менендеса-Пидала об оскском происхождении изменения группы *nd* > *nn* в провинции Уэска.

Что касается кельтского субстрата и его влияния на диалекты Северной Италии, то Рольфе полагает, что поскольку в результате совпадения целого ряда изоглосс несколько севернее Лукки и Анконы образуется резкая линия, которая совпадает с границей, отделявшей кельтов от этрусков и италиков, есть основания отнести за счет влияния кельтского субстрата следующие фонетические особенности северноитальянских диалектов: 1) апокопа конечных гласных (кроме *a*), 2) синкопа предударных и послелударных гласных, 3) упрощение двойных согласных, 4) озвончение взрывных согласных в интервокальном положении и 5) назализация гласных перед носовыми согласными (т. I, §§ 143, 137, 229, 197, 201 и 207)¹. Кельтское происхождение первых двух явлений может быть установлено с наибольшей вероятностью, так как они, по видимому, были вызваны свойственным кельтским диалектам сильным основным ударением в слове. Третья, четвертая и пятая фонетические особенности северных диалектов возводятся Рольфом к аналогичному источнику на том основании, что их географическое распределение полностью совпадает с двумя первыми. Однако часто относимый за счет кельтского субстрата переход латинского *u* в *ÿ*, наблюдающийся в некоторых диалектах Северной Италии, рассматривается Рольфом как позднейшее явление по следующим трем причинам: во-первых, изоглосса *ÿ* не совпадает с предыдущими пятью изоглоссами; во-вторых, в самом центре областей, где распространено произношение *ÿ*, существуют говоры, сохранившие произношение *ÿ*, и, наконец, в-третьих, северноитальянские колонии в Сицилии и на юге Италии не знают произношений *ÿ*. Это последнее, наиболее веское доказательство связано с интересным открытием, сделанным Рольфом в Южной Италии, где он обнаружил (пров. Пичерно и берег залива Поликастро) неизвестные до тех пор северноитальянские говоры (т. I, § 95)². Их изучение и сравнение с северноитальянскими говорами в Сицилии привело Рольфа к выводу, что в эпоху норманнского владычества на юге Италии (XI—XII вв.) имела место массовая эмиграция населения из Южного Пьемонта, язык которого сохранился на юге почти без изменений и поэтому представляет собой ценный материал для периодизации целого ряда языковых явлений, в том числе и произношения звука *u* в старопьемонтских говорах. Данное открытие имеет также большое значение для изучения истории Италии, так как нет никаких письменных источников, свидетельствующих об этом переселении.

3. Вопрос о диалектных и иноязычных элементах в литературном языке и о взаимных влияниях итальянских диалектов. Рольфе отмечает, что еще до оформления тосканского диалекта в литературный итальянский язык в Среднюю Италию проникли слова из Северной Италии и Прованса, количество которых было настолько велико, что многие ученые рассматривали их фонетическое строение как исконно тосканское и старались определить условия, вызвавшие особенности их фонетического развития. Например, Мейер-Любке искал причины озвончения интервокальных согласных в положении ударения в слове³. Асколи относил это явление за счет различия падежей, лежащих в основе слов со звонкими и с глухими взрывными согласными⁴. До сих пор некоторые видные ученые (например, К. Мерло, Дж. Боттильони) рассматривают слова с озвонченными интервокальными взрывными согласными (*lago*, *spada*) как чисто тосканские, а слова, сохранившие согласные *p-t-c* без изменений (*dico*, *amico*, *dito*), как фонетические латинизмы.

Рольфе, основываясь на примерах фонетического развития грамматических форм в итальянском языке (сохраняющих всегда глухие согласные: *parlato*, *parlate*), а также на данных топонимии, придерживается того мнения, что исконно тосканским развитием этих звуков было сохранение их в том виде, в каком они представлены в латыни, озвончение же рассматривает как верный признак их северного происхождения.

Большой научный интерес представляет гипотеза Рольфе относительно северного происхождения дифтонгизации $\xi > ie$, $\varphi > io$, бывшей, по выражению Рольфа, «своего рода модным течением» в письменном языке Тосканы (т. I, §§ 85 и 185)⁵.

¹ См. также G. Rohlfs, *Vorlateinische Einflüsse...* стр. 64.

² См. также G. Rohlfs, *La struttura linguistica dell'Italia*, «An den Quellen der romanischen Sprachen», стр. 89 и сл.

³ См. W. Meyer-Lübke, *Italienische Grammatik*, §§ 198 и 208.

⁴ «Archivio glottologico», v. 16, Torino, 1902, стр. 175.

⁵ Правильность этой гипотезы оспаривается В. Варбургом (W. v. Wartburg) в его книге «Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume» (Bern, 1950, стр. 118), где он предлагает рассматривать случаи отсутствия дифтонгизации ξ и φ

В пользу этого предположения автор «Исторической грамматики» приводит следующие доводы: 1) полное отсутствие дифтонгизации открытых *e* и *o* в некоторых современных говорах Тосканы; 2) отсутствие дифтонга в целом ряде слов итальянского литературного языка (*pecora, prete, lepre, era, bene, pi, nove* и т. п.), значение которых явно свидетельствует об их народном происхождении и, следовательно, фонетическая форма которых не может быть истолкована как фонетический латинизм; 3) неустойчивость дифтонга в языке писателей XII—XIV вв.; 4) распространенность дифтонгизации этих гласных на севере Италии и во Франции. Кроме того, данные относительной хронологии (отсутствие дифтонга в итальянских словах *foglia < folia, mezzo < mediu*) говорят о более позднем появлении дифтонга *uo, ie* в Тоскане, чем во французском языке (т. I, § 85, стр. 157, примеч.).

Помимо элементов североитальянского происхождения, Рольфе указывает также на целый ряд тосканизмов в литературном итальянском языке. Так, например, в говоре Флоренции окончанием имперфекта в 1-ом лице ед. числа служило закономерно разившееся из латини *a* (*lo cantava* у Данте, Петрарки и Боккаччо), в современном же литературном языке утвердилось окончание *-o*, пришедшее из говоров Лукки и Сиены; исконно флорентинский порядок безударных объектных местоимений *Accusativus + Dativus* (*lo me dice*) заменился в современном литературном языке сиенско-аретинской нормой *Dativus + Accusativus* (*me lo dice*) и т. п.

На многочисленных примерах прослеживает Рольфе также процесс взаимного влияния диалектов, приводящий к нарушению старых и к возникновению новых морфологических и фонетических норм. Используя данные лингвистического атласа Италии относительно распространения какого-либо языкового явления в пространстве, Рольфе объясняет развитие этого явления во времени, ставя, таким образом, лингвистическую географию на службу истории языка. Так, на основании сохранения на севере Тосканы (Луниджана, Гарфаньяна) множественного числа существительных женского рода, совпадающего по форме с ед. числом (*la sorella* — «сестра» и «сестры»), Рольфе приходит к выводу, что этим диалектам было известно окончание мн. числа на *-s* (т. II, § 363). По его предположению, форма мн. числа на *-us* и *-as* существовала также и во Флоренции, так как отсутствие палатализации корня во мн. числе перед окончанием *e, i* в словах типа *la vacca — le vacche, il fico — i fichi* (ср. *l'amico — gli amici, il medico — i medici*) показывает, что окончания *e, i* в этих словах появились под воздействием аналогии только после того, как закончился процесс палатализации *k* и *g* перед гласными *e, i* (т. II, § 374; см. также аналогичное объяснение отсутствия палатализации *k* и *g* у глаголов I спряжения во 2-ом лице ед. числа в т. II, § 528).

Интересны также приводимые Рольфем примеры сохранения в современных говорах Тосканы характерных для староитальянского безударных субъектных местоимений (*Roma la 'un fu fatta in un giorno* — «Рим был построен не в один день»; *lui gli era troppo brutto* — «Он был слишком безобразен») (т. II, § 446). Эти примеры указывают на языковые связи Тосканы с Северной Италией, где безударное субъектное местоимение является неотъемлемой частью личной формы глагола и сопровождает глагол, в отличие от французского языка, даже при имеющемся подлежащем: *milan. lù el dorme, lé la dorme*. Во 2-ом лице ед. числа в том же диалекте безударное местоимение употребляется дважды: как проклитика и как энклитика, причем энклитическая его форма приобрела уже характер флексии 2-го лица в отличие от 3-го: *ti te dormet — lù el dorme* «ты спишь — он спит».

Помимо освещения вопросов взаимосвязи между языками и диалектами в «Исторической грамматике» приводится много новых данных относительно отдельных языковых явлений в старом и в современном языке. Так, например, в разделе «Степени сравнения» (*Steigerung*) Рольфе указывает на своеобразную усилительную форму обстоятельств, образующихся при помощи повторения существительного: *Navigammo riva riva* «Мы плыли (все время) вдоль берега»; *Andammo terra terra da Livorno a Viareggio* «Мы (все время) шли пешком...», где повторение существительного служит для передачи непрерывности и длительности действия (т. II, § 411). Особенно развита эта форма на юге: калабр. *Jiri casi casi* «Ходить из дома в дом»; *Li spuni vannu mura mura* «Шпионы (все время) идут прижавшись к стене»; *Sti dinari si nni jèru a li taverni taverni* «Эти деньги разошлись по кабакам»; кампан. *Dice la messa matina matina* «Читает мессу каждое утро»; апул. *Vanno paura paura* «Они идут полные страха». Эти формы были найдены Рольфем также в средневековых южноитальянских латинских текстах. Учитывая распространенность аналогичной конструкции в новогреческом, Рольфе связывает ее развитие в Южной Италии с греческим влиянием.

Интересный материал, освещающий некоторые вопросы исторического синтаксиса, содержится в разделе, посвященном функциям союза *e* «и» в староитальянском и в современном языке (т. III, § 759). Для иллюстрации способа трактовки материала, излагаемого в «Исторической грамматике», остановимся вкратце на построении и со-

в Тоскане как фонетические латинизмы или как результат позднейшего стяжения дифтонга.

держании этого раздела. Рольфе отмечает, что в староитальянском союз *e* «и» имел более широкое и разнообразное употребление, чем в современном литературном языке. Далее следует перечисление многочисленных случаев употребления этого союза для соединения элементов предложения и словосочетания. Так, Рольфе указывает, что в староитальянском союз *e* мог соединять причастие и прилагательное: *La vigna era bella e zappata*, буквально: «Виноградник был прекрасный и обработанный»; союз *e* употреблялся также для соединения придаточного и главного предложения, даже в случаях наличия подчинительного союза: *Com'ei parlava, e Sordello a se il trasse* (Dante, *Purg.*, 8. 94) «В то время как он говорил, Сорделло повел его за собой». Союз *e*, как показывает Рольфе, мог употребляться вместо условного союза *se* «если»: *Io le volli dare dieci bolognini, ed ella mi s'accconsentisse e non volle* (Vossaccio, *Dec.*, 8. 9) «Я хотел дать ей десять болонских монет, если она согласится, но она не захотела». Аналогичные примеры Рольфе приводит также из современного разговорного языка: *Gli dessero la sua parte ed egli sene sarebbe andato* «Дали бы ему его часть, и он бы ушел».

Рольфе приводит также материалы из современных южных диалектов, где конструкциям личной формы глагола с герундием или инфинитивом литературного языка соответствует сочетание при помощи соединительного союза двух личных форм: вместо литер. *vado a trovare* — калабр. *vaju e trovu*; вместо *sto facendo* — апул. *sto sfazzo* < лат. *sto ac facio*. Употребление сочинительного союза вместо подчинительного как в староитальянском, так и в современном языке и его диалектах Рольфе связывает со спонтанной аффективной речью, отражающей более примитивную стадию мышления.

Разнообразие материала, приводимого в рассматриваемом разделе, как нам кажется, требует дифференцированного анализа этих явлений в староитальянском и в современном языке. Выдвигаемая Рольфом на первый план аффективно-эмоциональная причина возникновения подобных конструкций правильно вскрывает их стилистическую окраску в современном языке, однако не может, очевидно, быть достаточной для определения их грамматической природы в староитальянском, где они часто встречаются в контексте, полностью лишенном какой бы то ни было эмоциональности.

Вызывает также сомнение устанавливаемая Рольфом зависимость между распространенностью сочинительных и бессоюзных конструкций в староитальянском языке и степенью развития мышления.

Переходя к анализу построения раздела о союзе *e*, следует отметить, что богатый и интересный материал излагается Рольфом без всякой систематизации. Употребление сочинительного союза вместо подчинительного в староитальянском языке не соотносено с другими синтаксическими явлениями этого периода и не поставлено в генетическую связь с нормами современного языка. Подобный способ изложения материала, свойственный большинству разделов «Исторической грамматики», особенно характерен для третьего тома, посвященного синтаксису. Факты старого языка, приводимые вперемешку с данными диалектов и разговорными и письменными нормами современного литературного языка, не способствуют созданию исторической перспективы развития рассматриваемых языковых явлений. Отсутствие описания постепенного развития языковых фактов от старого языка к современному, а также анализа связей между этими фактами в синхронном плане для различных периодов истории языка создает, при чтении книги, впечатление фрагментарности и незаконченности.

Таким образом, наиболее существенным пробелом книги Рольфе является прежде всего недостаточная четкая характеристика языка как системы соотношенных между собой языковых явлений, а также отсутствие описания сменяющих друг друга этапов развития языка. Характерно, что вопрос о времени возникновения литературного итальянского языка и о последующих этапах его развития не находит себе места на страницах «Исторической грамматики».

Наконец, следует отметить еще один существенный недостаток, свойственный второму и третьему томам «Исторической грамматики» Рольфе, на который указывает также Р. А. Холм в своей рецензии на эту книгу¹: сохранение традиционных терминов латинской грамматики, не соответствующих грамматической структуре итальянского языка и приводящих к смешению морфологических и синтаксических явлений. Так, в раздел, посвященный морфологическим формам существительного (Nominalflexion), включены параграфы (343—357) о надежах и склонениях, содержание по существу анализ членов предложения и словосочетания. Нечеткость понимания морфологической структуры слова проявляется и в других случаях. Так, например, формы сложных глагольных времен и залоговые формы рассматриваются не в ряду других грамматических категорий глагола, а среди устойчивых сочетаний причастия II (Partizipialverbindungen) с личной формой глагола (т. II, §§ 727—738).

Непоследовательность распределения материала в некоторых параграфах связана также с тем, что при анализе грамматических явлений Рольфе часто основывается только на их значении, не учитывая формальной стороны вопроса. Например, в раз-

¹ См. журн. «Italice», vol. XXVIII, № 1, Chicago, 1951, стр. 248.

деле о неопределенных местоимениях (т. II, § 516—520) рассматриваются формы глагола с неопределенно-личным значением (*dicono, si dice*); в разделе о союзах союз *che* «что» описывается дважды — в § 773 среди причинных союзов (*Causale che und ca*) и в §§ 785—786, объединяющих «все прочие союзы».

Содержание и построение всего раздела, посвященного синтаксису, также не отвечает сложившемуся в современном языкознании представлениям о предмете изучения этой области грамматики. В указанном разделе Рольфс дает подробное описание значений морфологических форм (перечень которых составляет содержание раздела морфологии); далее следует анализ употребления времен и наклонений в условном периоде, после чего рассматриваются функции предлогов, союзов и порядок слов. Разделы о простом и сложном предложении, а также о членах предложения и словосочетаниях в «Исторической грамматике» вообще отсутствуют, и многочисленные примеры, иллюстрирующие различие форм предложений и словосочетаний в староитальянском, в современном языке и его диалектах, рассеяны по различным, не связанным между собой, разделам книги.

Все эти недочеты в построении «Исторической грамматики» препятствуют созданию цельного представления о синтаксическом строе как старого, так и современного языка. Однако, каковы бы ни были несовершенства книги Рольфса, богатство и новизна материала и глубокий анализ отдельных языковых явлений делают ее незаменимым руководством для всякого исследователя, занимающегося вопросами итальянского языкознания.

Т. Б. Алисова

Charles Théodore Gossen. Petite grammaire de l'ancien picard. Phonétique — morphologie — syntaxe. Anthologie et glossaire. — Paris, 1951. 486 стр.

Появление книги Ш. Т. Госсена заслуживает особого внимания: это одна из первых книг, посвященных изучению диалекта французского языка как самостоятельной языковой единицы. До сих пор во Франции авторы диалектологических работ ограничивались изысканиями в области какого-либо одного текста, одного фонетического или морфологического явления, изучением языка одного индивида или в лучшем случае одного селения (кантона). В отсутствие диалектологических работ более общего характера, в том числе и сводных работ, как нам кажется, повинна эмпирическая школа Г. Париса и Ж. Жильерона, идеи которой надолго овладели большинством исследователей.

Появление работы Ш. Т. Госсена¹ (ср. также работы Ремакля и Валькофа по валлонскому диалекту) дает нам основание предполагать, что современная французская диалектологическая школа отходит от некоторых установок своих основоположников, делая шаг вперед в понимании диалекта как реальной языковой единицы, имеющей известную сумму свойственных ей языковых черт и определенную территорию распространения.

В первой главе «Маленькой грамматики пикардского диалекта» Ш. Т. Госсена (стр. 21—33), в которой определяется территория распространения пикардского диалекта, приводятся источники для изучения этого диалекта (хартии и литературные памятники), ставится вопрос о соотношении пикардского и центральнофранцузского диалектов, а также разбирается вопрос о письменном языке (*la scripta picarde*). Во второй главе (стр. 35—98) рассматриваются вопросы фонетики, которые исследуются здесь по схеме Бурсье, широко распространенной в исторической фонетике французского языка. Третья глава (стр. 99—119) посвящена вопросам морфологии, четвертая (стр. 121—123) — синтаксису (фактически в ней разбираются две особенности в употреблении местоимений). В пятой главе (стр. 125—130), как бы обобщающей предыдущие, рассказывается о членении пикардского диалекта на юго-западную и северо-восточные зоны, рассматриваются границы пикардского диалекта и перечисляются черты, объединяющие и различающие пикардский и соседние с ним диалекты. К книге

¹ Ш. Т. Г о с с е н (род. 1915 г.), помимо рецензируемой книги, известен рядом трудов, посвященных изучению отдельных вопросов пикардского диалекта (см.: Ch. T. G o s s e n, *Die Picardie als Sprachlandschaft des Mittelalters*, Biel, 1942; e r o ж e, *Un texte picard du XVIIe siècle*, «Melanges de linguistique et littérature romanes offerts a M. Roques», Bade — Paris, t. 1, 1950; e r o ж e, *Zur Sprache des Livre des Métiers d'Etienne Boileau*, «Sache Ort und Wort. Jakob Jud zum sechzigsten Geburtstag», Genève, 1943 (*Romanica Helvetica*, vol. 20). Последняя работа Ш. Т. Госсена посвящена изучению итальянского языка: Ch. T. G o s s e n, *Studien zur syntaktischen und stilistischen Heroerhebung im modernen Italienisch*, Berlin, 1954.